

ЮРИЙ ТИХЕЕВ

Платон в среде московских любомудров

На рубеже XVIII и XIX вв. в Европе, прежде всего в Германии, стала постепенно складываться новая наука о Платоне — синтетическая отрасль знания, образовавшаяся из ранее разрозненных исследований в области философии, древней истории и классической филологии. К тому времени наследие греческого философа уже было адаптировано этической и эстетической мыслью немецких романтиков; тогда же инспирированный идеями Ф. Шлегеля молодой теолог Ф. Шлейермахер задумал, а затем и приступил, вероятно, к главному делу своей жизни — первому переводу *Corpus Platonicum* на современный европейский язык; находясь на скамье тюбингенской семинарии, юный Шеллинг, которому всего через несколько лет предстояло сделаться властителем дум университетской Германии, впервые познакомился с греческим текстом платоновского «Тимея». Эти события с разных сторон определили характер возобновившегося в Европе интереса к Платону¹. К началу XIX в. греческий философ сделался одним из центральных персонажей интеллектуальной жизни в Германии. На этом фоне увлечение молодых московских любомудров немецкой философией просто не могло не привести их к Платону.

Возникновение науки о Платоне следует в свою очередь рассматривать в рамках более широкого культурного контекста. В середине XVIII в. Германию захватила волна нового интереса к классическому наследию, но в отличие от эпохи Возрождения культурной иконой в области искусств, наук и образования была на этот раз избрана не латинская, а греческая древность². В системе образования была

¹ Более подробно см. не утратившую свое значение статью: *Wundt M.* Die Wiederentdeckung Platons im XVIII. Jahrhundert / *Blätter für Deutsche Philosophie*. Jg. 15. Berlin, 1941–1942. S. 149–158.

² В конце XIX в. Ф. Паульсен ввел для этого явления название «новый гуманизм». О связанных с ним изменениях в культурной жизни Германии см.: *Paulsen F.* Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Leipzig, 1885. S. 513–530; или: *Marchand S. L.* Down from Olympus: archaeology and philhellenism in Germany, 1750–1970. Princeton, 1996. P. 3–35.

пересмотрена роль классических языков: древнегреческий получил приоритет перед символом старой учености — латынью. Уже Шеллинг, Гегель и Шлейермахер принадлежали к поколению немецких ученых, без затруднений владевших этим древним языком. А в начале следующего века главным учебным заведением, готовившим молодого человека к поступлению в университет, стала классическая гимназия, что обеспечило широкое распространение древнегреческого языка среди образованной публики³.

В начале XIX в. эти новые веяния только начали проникать в Россию. Будущие любомудры получили обычное для людей их круга домашнее образование. Оно предполагало знание нескольких европейских языков и, как следствие, обширную начитанность в новой литературе. Преподавались и древние языки: латынь и древнегреческий (в Москве, например, для их изучения пользовались услугами преподавателей университета). Но наряду с этими выгодными чертами «домашнего образования» оно имело и неперемнную негативную сторону — фрагментарность и несистематичность. И это прежде всего сказывалось на знании древних языков, овладение которыми требовало постоянного упражнения. За выражением «домашнее образование» в конечном итоге скрывался прискорбный факт необязательности для молодого русского дворянина прохождения полноценных, ориентированных на новые «классические» образцы гимназического и университетского курсов, к тому времени ставших в Германии неотъемлемой частью формирования *Bildungsbürgertum*. Ограничения, налагаемые образованием, слишком очевидны на примере лучших представителей круга московских любомудров, таких, как В. Ф. Одоевский, А. И. Кошелев, И. В. Киреевский или Д. В. Веневитинов. Каких бы интеллектуальных успехов ни достигал его обладатель, на всем им сделанном, что требовало хотя бы малейшей профессиональной сноровки, оставался неизгладимый отпечаток дилетантизма.

Характерный пример представлял собой Одоевский, председатель общества любомудров и издатель рупора его идей — альманаха «Мнемозина». В юности ему посчастливилось быть воспитанником Благородного пансиона при Московском университете, где, кроме прочего, он изучал древнегреческий язык⁴, а впоследствии имел, по его собствен-

³ Киреевский, проведший в 1830 г. несколько месяцев в университетах Берлина и Мюнхена, был тому свидетелем. В середине 1840-х гг. он писал об изменениях «в развитии исторического и особенно филологического и философского образования» в Германии: «Вместо того что прежде студенты университетские едва разумели по-гречески, теперь ученики гимназии стали поступать в университеты уже с готовым запасом знания в языках латинском, греческом и еврейском». *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 165.

⁴ В подробном исследовании Сакулина об изучении им древнегреческого языка сказано, правда, очень немного. См.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Т. I. Ч. 1. М., 1913. С. 77–78.

ным словам, опыт «продолжительного чтения Платона» (в трудных местах сопровождаемого сличением древнегреческого текста со «славяно-русским переводом Пахомова»)⁵; ему было знакомо «Государство»⁶, но лучше всего — «Тимей». В отношении последнего в «Русских ночах» представлено целое рассуждение и даже небольшое филологическое разыскание⁷. Особый интерес к «Тимею» был вызван его популярной в среде немецких романтиков и у раннего Шеллинга натурфилософской направленностью. Одоевский пытался угадать в тексте платоновского диалога реалии современной ему науки и сильно в духе времени модернизировал физические представления греческого философа. Однако к моменту выхода в свет «Русских ночей», представлявших собой род воспоминаний о днях юности, натурфилософия уже не была актуальной ни для мысли Шеллинга, ни для философского умонастроения Германии в целом, и все сказанное им представляло собой примечательный анахронизм.

Более любопытный материал дает еще один выпускник Благородного пансиона и любомудр С. П. Шевырев, единственный представитель этого круга, сделавший академическую карьеру. Необходимые сведения о его познаниях в области древнегреческого языка и философии Платона можно обнаружить в сочинении по теории поэзии у древних и новых народов, представленном им в 1835 г. в Московский университет на соискание «степени доктора философского»; значительная часть его первой главы посвящена учению Платона о прекрасном⁸. Следует отдать должное исключительному усердию Шевырева: в своем сочинении он проявил ту степень проникновения в исследуемый предмет, которую тщетно искать у его товарищей. Выбрав четыре диалога («разговора») Платона, касающихся понятия прекрасного, а именно «Гиппий больший», «Ион», «Федр» и «Государство» (книги третья и десятая), он, например, рассмотрел вопрос о подлинности двух первых⁹. Это говорит в пользу не только его общей осведомленности в области античной эстетики, но и знакомства с рядом специальных вопросов современного ему европейского платоноведения.

⁵ См.: *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 191.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ См.: *Шевырев С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836. С. 20–49.

⁹ См.: Там же. Прим. (***) на с. 23. Шевырев указал, что Аст в своем сочинении *Platons Leben und Schriften* отверг подлинность «Гиппия большего» и «Иона», но его крайний скептицизм не нашел последователей. Так, Тирш и Зохер выступили в пользу их подлинности (Шевырев упомянул лишь имена этих исследователей, но, действительно, оба касались этого вопроса. См.: *Thiersch F. W.* Ueber die Epochen der bildenden Kunst unter den Griechen. 2 Aufl. München, 1929. S. 36–37; *Socher J.* Ueber Platons Schriften. S. 215–225), а также Шелля (с полной ссылкой: *Schoell M. F.* Histoire de la littérature Grecque profane. Paris, 1824. P. 577–579).

Свое изложение учения Платона о прекрасном Шевырев обильно проиллюстрировал греческими цитатами. Представленные русские их переводы порой сбиваются на пересказ, но в целом верны. Однако вряд ли можно надеяться, что Шевырев читал Платона по-гречески. Без сомнения, цитаты были позаимствованы им из обстоятельных исследований европейских ученых, например, тех же Аста или Зохера, в каждом из которых можно найти изложение диалогов. Отрывки греческого текста были либо просто из них выписаны, либо по ссылкам подысканы в соответствующих изданиях¹⁰. Основные положения труда Шевырева, воспроизводящие характерный для того времени взгляд на Платона как на философа-поэта, трудно назвать самостоятельными. Его сочинение представляет собой компиляцию, с позиции сегодняшнего дня — наивную, но довольно живую и порой выпренную по употребляемому автором слогу. В целом оно показывает, как немного надо было знать в его время, чтобы претендовать на степень доктора в Московском университете.

Можно указать еще несколько примеров, когда молодые любомудры обращались к произведениям Платона. Так, из «Воспоминаний» Кошелева можно узнать, что в юношеские годы он занимался с учителем древнегреческим языком. Из того же источника следует, что на занятиях он читал в качестве учебных текстов Гомера, Ксенофонта, Плутарха, Исократы; и, наконец, что более важно, — переводил, а позднее и читал в узком кругу друзей переведенные отрывки из «Государства» Платона¹¹. Эти переводы не сохранились, и сегодня невозможно составить сколько-нибудь ясного представления о том, какие места диалога были переведены, каково было качество переводов, каков был отклик окружающих на их чтение и т. д. Можно было бы ожидать, что Кошелев сам сообщит хоть что-то на этот счет, но надежды оказываются тщетными: единственное, что можно почерпнуть в его «Воспоминаниях», — это факт обращения к текстам греческого философа.

Другой представитель русской образованной элиты того времени, интерес которого к наследию Платона засвидетельствован, — И. С. Гагарин¹². Источником в данном случае служат его дневниковые записи.

¹⁰ Этим может объясняться, например, тот факт, что Шевырев ссылался то на издание Аста (*Platonis quae extant opera*, снабженное, кроме греческого текста, параллельным латинским переводом), то на издание Х. Д. Бека (*Platonis opera*, воспроизводящее текст издания Стефануса со схолиями). Вероятно, в источниках, которыми он пользовался, ссылки производились на разные издания или только на одно, так что приходилось подыскивать необходимую греческую цитату по тому изданию, что в данный момент находилось под рукой.

¹¹ См.: Кошелев А. И. Записки. М.: Наука, 2002. С. 10, 15.

¹² Гагарин был примерно десятью годами моложе поколения любомудров и не принадлежал к их кругу, а впоследствии сделался их идейным оппонентом. Однако его пример показывает, что с течением времени в образовании русской дворянской элиты менялось немного.

Одна из них (за 1842 г.) гласит, что, находясь в Германии, он читал с приходящим «учителем» «Государство» Платона¹³. Из этого факта можно сделать тот же ожидаемый вывод: Гагарин был знаком с древнегреческим языком, но не настолько, чтобы читать Платона самостоятельно. О большем судить невозможно. С определенной долей уверенности можно сказать, что в данном случае послужило причиной выбора для чтения именно этого диалога. Мысль молодого русского дипломата была увлечена поиском совершенного политического устройства, «образец» которого он склонен был видеть скорее в «фантастической» республике Платона, чем в конституциях существовавших в то время государств¹⁴. Исходя из этого можно предположить, какие разделы диалога привлекли его внимание. Вероятно, это были книги первой его части, и вряд ли — наиболее философски нагруженные шестая и седьмая.

Особняком среди Любомудров стоит И. В. Киреевский. В своих поздних славянофильских статьях он дал Платону оценку, которая, как принято считать, сформировала дальнейшее восприятие мысли греческого философа в России¹⁵. Киреевский представил Платона «восточным» и в определенном смысле «православным» автором. Отстаивая эту свою точку зрения, он, в частности, писал: «Самый способ мышления Платона представляет более цельности в умственных движениях», и оттого в нем обнаруживается родственность с «тою духовною философией, которую находим в писателях Церкви Восточной, особенно ясно выраженную в святых отцах, живших после римского отпадения»¹⁶.

Между тем о познаниях Киреевского в древних языках невозможно сказать больше, чем о таковых кого-либо из названных выше. Они, очевидно, не шли далее самых первых и общих сведений, что не давало возможности их обладателю без посторонней помощи правильно понимать древнегреческий текст. Да и сам Киреевский никогда в своей жизни не претендовал на роль знатока древних языков. Однако этот вопрос, изначально очевидный, был уже после его смерти замутнен произвольными толкованиями и домыслами. Так, в биографической справке, подготовленной Н. А. Елагиным для издания его сочинений, сказано следующее: «В Москве (1822) И. В. начал учиться по-латыни и по-гречески, и выучился, сколько требовалось тогда для экзамена»¹⁷. Экзамен «в университет», необходимый в то время для поступления на службу, Киреевский держал в 1824 г., так что его домашние занятия древними языками в общей сложности вряд ли продолжались многим более года. Испытания он проходил вместе со своим приятелем Кошелевым, который

¹³ См.: Гагарин И. С. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М., 1996. С. 245.

¹⁴ Там же. С. 255.

¹⁵ Критический отклик см.: Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 321–323.

¹⁶ Киреевский И. В. Указ. соч. С. 272.

¹⁷ Полное собрание сочинений И. В. Киреевского. Т. I. М., 1911. С. 6.

оставил в высшей степени ироническое их описание¹⁸, лишний раз свидетельствующее: для достижения успешного результата от испытуемых требовалось очень немногое.

Догадывался об этом, конечно, и Елагин, который, однако, прибавил далее в примечании: «Недостаточность своих сведений в древних языках И. В. почувствовал гораздо позднее, и в сороковых годах, через двадцать лет, снова стал учиться по-латыни и по-гречески, и выучился хорошо, так что мог в подлиннике читать классиков и св. Отцов». Эта фраза, какими бы причинами ни было вызвано ее появление, породила лишь досадное недоразумение¹⁹. Действительно, участие Киреевского, начиная с середины 1840-х гг., в издании переводов святых отцов могло бы косвенно свидетельствовать в пользу возобновления его интереса к древнегреческому языку. Однако письма, адресованные старцу Макарию, и «Дневник» (1840–1850-е гг.), содержащие сведения о его роли в издательской деятельности монастыря в Оптиной пустыни, не подтверждают этого. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что Киреевский принимал участие в издании переводов, сделанных Паисием Величковским на «словенский», т. е. церковнославянский, язык, поэтому для такого сличения потребовалось бы знание не только древнегреческого, но и вдобавок церковнославянского языка. Очевидно, эта работа, требующая специальной филологической подготовки, не была ему под силу; его участие в издании сводилось к роли литературного эксперта, а практическая деятельность — к чтению рукописей и сверке корректур.

Письма и «Дневник» говорят, однако, о другом: насколько принципиален был для Киреевского вопрос, какой язык следует избрать для переводов — церковнославянский или русский²⁰. Его собственные симпатии были целиком на стороне церковнославянского языка, который, как он полагал, «иногда не совсем ясен с первого взгляда», но зато «поощряет к внимательному изысканию»²¹, и этот выбор полностью

¹⁸ См.: Кошелев А. И. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Так, Лосский не только без всякой критики воспроизвел формулу Елагина, но и добавил к ней собственные догадки: «Латынью и греческим он (т. е. Киреевский) стал заниматься в шестнадцатилетнем возрасте в Москве, но греческим языком вполне овладел лишь в 40-х гг., чтобы читать отцов церкви в подлиннике, так что мог быть советником и критиком перевода на русский язык св. Максима Исповедника» (Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994. С. 19). Для Зеньковского дело обстояло еще проще — Киреевский выучил все языки сразу еще в пору юности: «Когда семья переехала в Москву, Иван Васильевич стал брать уроки на дому, прекрасно изучил древние и новые языки» (Зеньковский В. В. История русской философии. 2-е изд. Т. I. Париж, 1989. С. 216).

²⁰ Новые русские переводы — плод европейской учености, осевшей в духовных академиях, — в это время постепенно стали вытеснять старые церковнославянские. Так, церковнославянский перевод «Слов» Исаака Сирина, издаваемый Оптиной пустыней, конкурировал с их «лаврским» русским переводом Московской духовной академии: оба издания готовились параллельно и вышли разом в 1854 г.

²¹ Киреевский И. В. Письма Макарию Оптинскому // Символ. № 17. Париж, 1987. С. 123.

отражал его литературные и эстетические предпочтения. Нетрудно заметить, что те же самые предпочтения разделял и Одоевский, при чтении Платона пользовавшийся почти полувековой давности переводами Сидоровского и Пахомова, уже в его время, без сомнения, смотревшимися крайне архаически. Но именно эти архаичность и трудность при чтении, создаваемые едва понятным и потому таинственным языком, древнегреческим или церковнославянским, в представлении романтически настроенных любомудров более всего соответствовали духу «древней» мудрости сочинений Платона и святых отцов²².

Вопрос о языке древнегреческого подлинника сочинений святых отцов лишь изредка возникал в переписке с Макарием и в «Дневнике». Так, например, в одном из писем Киреевский указывал, что сличил темные места присланного ему перевода Григория Паламы с подлинником (по греческому изданию «Добротолюбия») и на основании этого сличения сделал вывод о том, что они возникли из-за пропусков и неправильных знаков препинания в тексте *перевода*, и даже в одном месте «осмелился» внести в него исправление²³. Никаких деталей об этом исправлении в письме не сообщалось. Тогда же Киреевский хлопотал об отправке своему корреспонденту греческих «лексиконов», но, насколько можно судить, сам он ими не пользовался, а об их пригодности мог судить с большим трудом²⁴. А спустя несколько лет он записал в «Дневнике»: «Прочел с греческим подлинником несколько страниц Марка Подвижника»²⁵. Эти спорадические упоминания о древнегреческом языке — все, что можно обнаружить на протяжении последнего десятилетия жизни Киреевского, — не подтверждают слов Елагина ни о возобновлении им занятий древними языками, ни о чтении древнегреческих подлинников святых отцов или «классиков».

Более того, ничто не свидетельствует, что русский мыслитель вообще когда-либо читал Платона — в греческом подлиннике или в переводе на какой-либо из современных языков. Во всем, что когда-либо было написано Киреевским, отсутствуют не только прямые ссылки, но и косвенные указания, из которых можно было бы сделать вывод о его знакомстве с содержанием какого-нибудь диалога или хотя бы его части. Даже то дилетантское, осененное юношеским энтузиазмом чтение

²² В том же самом смысле Ф. Шлегель называл язык философии «прекрасным санскритом», доступным для понимания узкому кругу посвященных. Ведь «das ist das schönste an diesem schönen Sanskrit eines <...> Plato, daß nur die es verstehen, die es verstehen sollen». См.: *Schlegel F. Über die Philosophie / Kritische Friedrich Schlegel Ausgabe*. Bd. VIII. Paderborn, 1964. S. 60.

²³ *Киреевский И. В.* Указ. соч. С. 121–122.

²⁴ Киреевский порекомендовал Макарию и вызвался достать «лексикон» И. Синайского, но когда тот попал в его руки, оказалось, что он русско-греческий и не пригоден для использования. В другом письме Киреевский обещал достать взамен греческо-русские «лексиконы» С. Иваницкого и К. и С. Коссовичей. См.: Там же. С. 122, 133.

²⁵ *Киреевский И. В.* Дневник // Вопросы философии. № 11. М., 2004. С. 140.

избранных мест «из Платона», составившее необходимый этап интеллектуальной биографии его товарищей Любомудров, странным образом прошло мимо него или, во всяком случае, никак затем не проявилось в его сочинениях. Очевидно, все свои сведения о Платоне он позаимствовал из вторичных источников, что, впрочем, не составляло труда: редкая область в европейской культуре и науке его времени обходилась без упоминания имени греческого философа.

* * *

Слабое знание древних языков выдавало не только изъяны в полученном Любомудрами образовании, но и дилетантский уровень их научных занятий в целом. Без сомнения, они могли бы читать Платона в доступных к тому времени переводах на современные языки: в знаменитом немецком переводе *Platons Werke* Ф. Шлейермахера, в немногим более позднем французском переводе *Œuvres de Platon* В. Кузена, наконец, в выполненных на уровне требований филологической науки того времени русских переводах «Сочинений Платона» В. Н. Карпова, начавших выходить уже в 1840-е гг. Впрочем, и это требовало определенной организации исходного интереса, которая могла привести в итоге к зрелому и самостоятельному восприятию Платона. Однако в кругу Любомудров образ греческого философа остался прекрасным плодом юношеской мечтательности, спустя годы представляя в сознании его бывших членов сладким воспоминанием об «отроческих» чувствах и «умствованиях»²⁶. Как писал Одоевский: «Платон произвел на меня глубокое впечатление, до сих пор сохранившееся, как всякое сильное впечатление юности»²⁷.

Для того, чтобы возник систематический интерес к наследию Платона, требовалась хотя бы некоторая институционализация умственной деятельности — то, что называется «научный склад ума», что предоставляет возможность удерживать приоритет «абстрактных вопросов» перед жизненной конкретикой душевного переживания. Чувства, которые Любомудры питали к Платону, отражали романтический настрой их душ и не нуждались в философской рефлексии. Кошелев писал: «Да утешат меня милые Платон и Шеллинг в моем уединении! Как я ими услаждаюсь <...> Клянусь вам, если бы эти божественные гении не напоминали мне мою небесную отчизну, я бы кончил тем, что совсем огрубел в окружающей обстановке»²⁸. Без сомнения, Платон (как и его немецкий двойник) предстает здесь не менее «божественным», чем *der göttliche*

²⁶ В качестве примера таковых можно привести сочинение Веневитинова «Анаксагор. Беседа Платона», которое, может быть, и выдает живость ума его молодого автора, но является совершенно фантастическим как с историко-философской, так и с философской точки зрения.

²⁷ Одоевский В. Ф. Указ. соч. С. 191.

²⁸ Кошелев А. И. Указ. соч. С. 216.

Platon немецких романтиков или даже *ho theios Platôn* античных платоников. Но он столь же мало похож на Платона обстоятельных и пространных трактатов XIX в., как и сам тип мечтательного русского любомудра — на уже сложившийся к тому времени тип европейского ученого, снабженного добротным университетским образованием, прекрасно владеющего древними языками, полигистора и начетчика, проведеншего годы над греческими текстами.